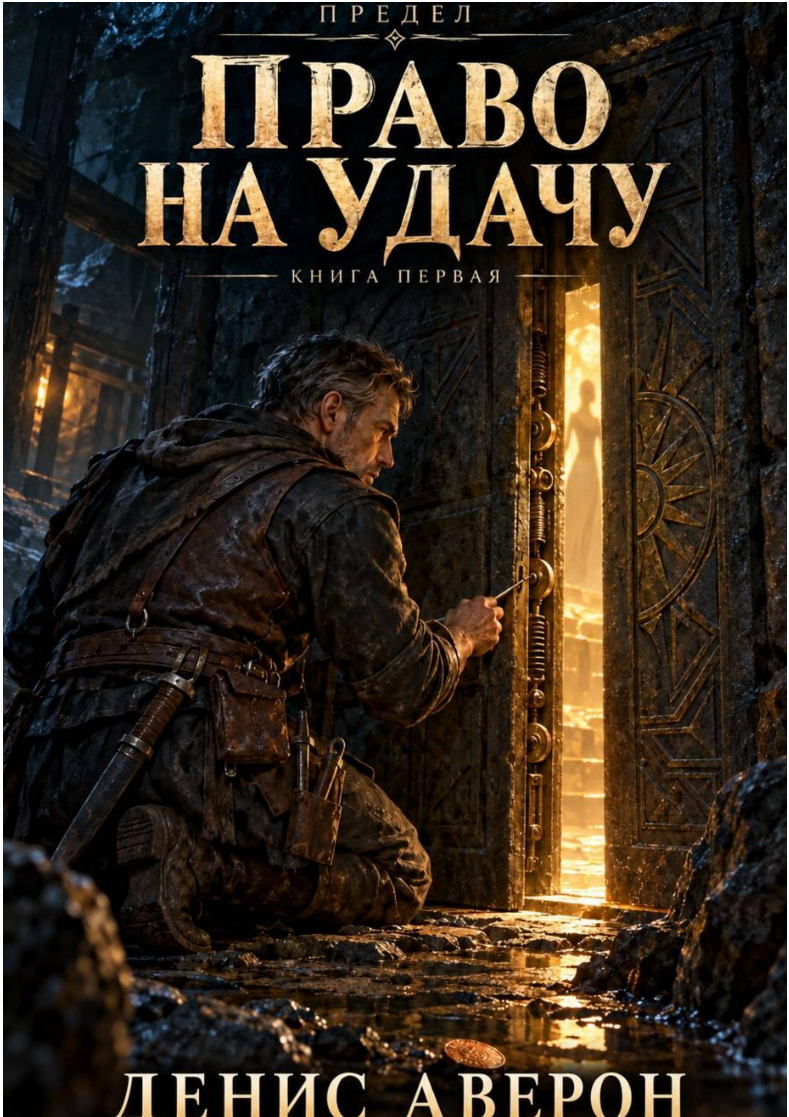

ПРЕДЕЛ
ПРАВО НА УДАЧУ
КНИГА ПЕРВАЯ
ДЕНИС АВЕРОН

Денис Аверон

Предел. Право на удачу

https://litres.ru/74703473
SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Сомов умеет оживлять чудовищ и заставлять людей верить в сказку. Ему сорок два, за плечами — собственный квест, а впереди — долги. После появления полного погружения посетители ушли в «Предел», и его мастерство оказалось никому не нужно.

Теперь он сам входит в игру. До вечера нужно заработать на платёж, поэтому Виктор выбирает свободное развитие и берётся за первую работу.

Здесь придётся учиться держать меч, зарабатывать уровни и привыкать к тому, что ловушки больше не бутафорские. Зато хороший мастер замечает то, мимо чего проходят остальные.

А за случайно открытой дверью его уже ждут.

Роман в процессе написания. Новые главы будут добавляться по мере готовности.

Содержание

Глава 1. Выход там же, где вход 4
Глава 2. Лишняя деталь 31
Глава 3. Держать крепче 53
Глава 4. Двадцать минут 74
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Денис Аверон
Предел. Право на удачу

Глава 1. Выход там же, где вход

В последний рабочий день я наконец убил короля.

Шесть лет собирался. Всё руки не доходили.

Король дёрнулся, лязгнул челюстью и замолчал. Из раскрытого рта свисал провод. Я подержал его за затылок, пока останавливался привод, потом положил голову на трон.

— Ваше величество, вы свободны.

Без головы он выглядел даже солиднее. Золотая мантия, костлявые руки на подлокотниках, сапоги сорок шестого размера. Сапоги, кстати, настоящие. Покупал на распродаже, дешевле, чем делать.

С выключенным королём тронный зал сразу стал теснее. При красных факелах и гулком голосе из-под потолка здесь помещалось целое проклятое королевство. Под рабочей лампой — комната шесть на четыре, низкий потолок с чёрными трубами и трон на фанерном подиуме. У правой стены тянулись нарисованные бойницы. За левой, обшитой серыми плитами, начинался узкий проход в темницу. Оттуда пахло пылью и остывшей дым-машиной.

Зато стены получились хорошие. Я вырезал каждый ка-

мень отдельно, прожигал щели, втирал в них тёмную краску. У пола пустил зелёный мох из крашеной пакли. На свету он уже выцвел, но в полумраке посетители отдёргивали руки: думали, мокрый.

Шесть лет назад я стоял посреди этой комнаты по щиколотку в пенопластовой крошке и представлял очередь у входа.

Телефон в кармане завибрировал.

Я вытер пальцы о рабочие штаны и посмотрел на экран.

«Срок отсрочки истекает сегодня в 21:00. Сумма к погашению: 38 600 рублей. При неисполнении соглашения начнётся передача задолженности компании Рубеж».

На счёте лежало двадцать семь тысяч. Продажа короля должна была дать ещё восемь. Оставались три тысячи шестьсот.

Название «Рубеж» я уже слышал. Их представитель приходил на прошлой неделе — вежливый мужчина в тонком пальто. Не повышал голоса, не угрожал. Только перечислил оборудование в моём гараже. Я его туда не приглашал и адреса не давал.

Банк согласился придержать передачу долга до сегодняшнего платежа. Ещё одну отсрочку не обещали.

До девяти вечера оставалось одиннадцать часов.

Убрал телефон и полез под трон за креплением.

В коридоре хлопнула дверь.

— Вить! Ты где?

— В тронном зале.

Паша появился в дверях тронного зала, пригнулся под каменной аркой и всё равно задел её лысиной. Высокий, широкоплечий, с небольшим животом, он всегда занимал чуть больше места, чем рассчитывал. На нём была синяя рабочая куртка с потемневшими манжетами. Из нагрудного кармана торчали дужка очков и жёлтый тестер. Под светлыми бровями привычно сощурились добрые, вечно недоспавшие глаза.

— Осторожнее, — сказал я. — Арка низкая.

Он потёр макушку, посмотрел на прилипшую к пальцам серую крошку.

— Крошится уже.

— Покрытие стёрлось. Ему шесть лет.

Паша оглядел зал. На полу лежали свёрнутые провода, у стены стояли две одинаковые принцессы без рук. Одну мы использовали в основной программе, вторую держали на случай, если первую опять уронят при спасении.

— Машина через час, — сказал он. — Что грузим?

— Короля, щитовую, инструмент. Принцесс не берём.

— Уверен?

— Уверен. Места нет.

Паша посмотрел на принцесс, потом молча кивнул.

Он работал со мной почти с открытия: проводка, датчики, звук, всё, что могло ударить током. Три месяца назад устроился обслуживать капсулы погружения. Теперь приезжал после смены и помогал мне разбирать то, что мы вместе соби-

рали.

Я выкрутил последний болт.

— Подхвати справа.

Мы сняли со стены герб. За ним открылось прямоугольное отверстие с рычагом.

Паша сунул туда руку.

— Не трогай.

— Почему?

В соседней комнате грохнуло.

Паша медленно повернулся ко мне.

— Потому что потолок, — объяснил я.

За стеной ещё покатились по полу деревянные кубики. Звук получился хороший. Я специально подбирал дерево, чтобы под запись камнепада оно стучало достаточно убедительно.

— Ты питание не отключил?

— Там груз. Ему электричество до лампочки.

Паша вынул руку.

— Шесть лет, Вить. А я всё забываю.

Я отодвинул рычаг и закрепил его проволокой, чтобы больше не сработал.

Мы прислонили герб к стене. На пыльном прямоугольнике обоев осталось светлое пятно.

Из-под трона торчала шайба. Я поднял её, сдул пыль и положил в карман.

Паша протянул мне коробку для мелочей. Я положил

шайбу внутрь.

Он прошёл к стенду у входа, на котором ещё висели фотографии команд. Школьники в коронах, офисный отдел с пластиковым мечом, седой мужчина, торжественно прижимающий к груди голову нашего короля. Её тогда оторвали. Я потом усилил крепление.

— Фотографии снимешь? — спросил Паша.

— Сниму.

— В коробку положить?

— Потом.

Он кивнул и отошёл.

Из зала мы вышли в приёмную — узкий закуток между входной дверью и перегородкой темницы. Здесь заканчивалось средневековье: линолеум, электрический чайник, вешалка с отломанным крючком. На стене ещё темнел прямоугольник, где висел наш прайс. Сквозь матовое окно под потолком были видны колёса машин: помещение мы снимали в полуподвале.

На стойке администратора лежала табличка «Ближайшая игра в 18:00». Я перевернул её надписью вниз.

Последняя игра была девятнадцать дней назад. Двое пришли по старому сертификату. Я сам водил их по комнатам, включал музыку, говорил за короля и в финале выдал шоколадные монеты. Ребята вежливо поблагодарили. Уже на выходе один сказал другому, что в «Пределе» похожую крепость можно захватить целиком.

Не со зла сказал. Обсуждали планы на вечер.

Я стоял у двери, пока они не свернули за угол. Потом вернулся убирать комнаты.

Паша поставил на стойку бумажный пакет.

— Поешь.

— Не хочу.

— Ты с утра не ел.

Я заглянул в пакет и взял пирожок.

Мы сели на сундук с сокровищами. Паша перед этим проверил крышку рукой.

— Отключено, — сказал я.

— Знаю я тебя.

Пирожок был тёплый. Кто-то сегодня встал утром, замесил тесто, пожарил начинку и заработал на этом деньги. Хорошая профессия — повар. Надо было идти в повара. Люди, даже когда спасают виртуальные королевства, обедать всё равно возвращаются.

— Помнишь торговый центр на Южной? — спросил Паша.

Я перестал жевать.

— Допустим.

— Там теперь салон погружения. На месте кинотеатра.

— Рад за них.

На Южной у нас должен был открыться большой квест. Четыре зала, движущийся мост, дракон над входом. Подписанный договор я три раза перечитал, прежде чем купить

оборудование. Только пункт про отказ заказчика юрист объяснил мне уже после отказа.

Дракона я продал ресторану. Токарный станок — человеку, который сорок минут рассказывал, какое сейчас тяжёлое время, и сбил цену ещё на тридцать тысяч.

Платежи за оборудование остались на мне.

— Я там обслуживаю капсулы, — продолжил Паша.

— Давно?

— Третий месяц. Вить, послушай.

Я убрал остаток пирожка в пакет.

Паша говорил этим голосом, когда предлагал занять денег. Денег у него было немного, а отказывать каждый раз становилось всё противнее.

— У меня смена с шести вечера. Две старые капсулы стоят в сервисной комнате. Их списывать собирались, потом решили подменными оставить. Рабочие.

— И?

— Я договорился с управляющей. Можно одну брать в свободные часы. На своём аккаунте, электричество и расходники по счётчику. Первую неделю бесплатно попробуешь. Дальше решишь.

— Во что?

— В «Предел».

Из соседнего зала раздался тихий скрип. Качалась цепь от упавшего потолка.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Паш, я сейчас разбираю свою работу, потому что все ушли туда. И ты предлагаешь мне туда же?

Он посмотрел на пакет у меня в руках.

— Предлагаю попробовать заработать.

Я хотел сказать что-нибудь остроумное. Ничего не придумал.

— Чем?

— Люди заказывают вещи. Мебель, вывески, оформление домов. Там можно делать руками. Система помогает, но если умеешь сам, получается лучше.

— А сами они не могут?

— Могут. Ты тоже можешь сам стричься.

Паша провёл ладонью по лысине.

— Пример неудачный, — признал он. — Но ты понял.

— Реальные деньги выводятся?

— Через официальную биржу. Комиссия, проверка личности. Миллионы не обещаю. Я на прошлой неделе за ремонт телеги получил столько, что оплатил себе связь за месяц.

— За телегу?

— За две. Играю с зимы, по выходным. Там тоже проводку не к каждому колесу подведёшь — пришлось вспоминать механику.

— Значит, руками работать можно. Без готового рецепта?

— Если понимаешь, что делаешь.

Он достал телефон, открыл историю операций и протянул мне. Я посмотрел на сумму, потом на дату. Попросил открыть перевод в банковском приложении.

Паша молча открыл.

Деньги были настоящие. Небольшие, но настоящие.

— А людей там много, которые умеют? — спросил я.

— Хватает. Придётся искать заказы. И сначала научиться самой игре. Я тебе место в капсуле предлагаю, не должность короля.

Я посмотрел в сторону тронного зала и убрал телефон в карман.

Короля мы в итоге не увезли.

За ним пришёл покупатель — владелец бара, который торговался по телефону четыре дня, а на месте потребовал ещё скидку за отсутствие головы.

Я показал голову.

Он потребовал скидку за то, что она отдельно.

Обычно на этом месте Паша начинал кашлять, чтобы я подумал, прежде чем отвечать. Сегодня не кашлял. Сам предложил помочь погрузить.

Когда машина уехала, я проверил счёт. Тридцать пять тысяч. Сегодня до девяти нужны ещё три шестьсот.

— Только не рассчитывай заработать всё за один заход, — сказал Паша. — Я тебе показал перевод, не обещание.

— А вывести сегодня успею? Проверку пройти, покупателя найти?

— Проверку сейчас сделаем. Перевод после продажи обычно приходит за несколько минут. Но продать монеты — не значит заработать их. Три шестьсот новичку за вечер я бы не обещал.

— Сколько хоть примерно в монетах?

Паша открыл биржу.

— По текущим заявкам, с комиссией — около сорока серебряных. В каждом сто медных.

Я посмотрел на цифры. Сначала пришлось бы понять, за что здесь вообще платят.

Если не получится, придётся продавать инструмент. Покупатель на фрезер уже был. Без фрезера я пока не представлял, как буду работать дальше.

Я написал покупателю: до семи вечера дам окончательный ответ. Попробую игру, но время на продажу станка оставлю.

Фотографии снял последними. Сложил в коробку из-под шуруповёрта, закрыл крышку.

На обороте одной кто-то написал: «Виктору Андреевичу спасибо! Было страшно!»

Я проверил, не остались ли на стенде кнопки. Две нашёл. Убрал в карман.

Потом выключил свет.

В салон мы попали через служебный вход, мимо разгрузки и контейнеров. Но через приоткрытую дверь в общий зал я успел увидеть синий полумрак, два ряда белых капсул и светящуюся стену: водопад срывался с парящего острова и

пропадал в облаках. На месте нашего будущего дракона теперь красовалась надпись «ЖИВИ БОЛЬШЕ».

Паша придержал дверь плечом.

— Нам сюда.

Сервисная комната находилась за общим залом и была размером с мою бывшую приёмную. Вдоль стены стоял металлический стол с разобранными датчиками, под ним — коробки с кабелями. Над столом гудела вытяжка. Между стеллажом и капсулой пришлось протискиваться боком, прижав локти к рёбрам.

Пахло пластиком и кофе. На стене висели график обслуживания и памятка по аварийному отключению.

Капсула занимала половину комнаты. Белая крышка пожелтела возле ручки, обивку у ног аккуратно зашили. На боку была наклейка с улыбающейся семьёй, любующейся замком. На глянцевой картинке не было ни заплат, ни пожелтевшего пластика.

Паша объяснил аварийный выход, показал внешнюю кнопку остановки и дождался, пока я повторю порядок действий. Потом заставил снять ботинки.

— Четыре часа, — сказал он. — Потом техническое обслуживание. За десять минут придёт предупреждение. Закончишь в безопасном месте и выйдешь.

— А если не закончу?

— Всё равно выйдешь. Приключения подождут, у меня смена.

Я устроился внутри. Под шеей что-то мешало.

— Подушку выше можно?

— Можно.

— И вот здесь крепление люфтит.

— Вить.

— Я просто говорю.

— Ты пока ещё даже в игру не зашёл.

Он поправил подголовник, проверил датчики и опустил крышку.

Темнота продержалась секунду.

Потом передо мной возникло голубое окно.

«Добро пожаловать в Предел».

Голубое окно висело на уровне глаз, а за ним уходила вниз лесная поляна. Я стоял босиком на плоском камне. Между пальцами щекотала трава, нагретая солнцем сверху и прохладная у самой земли.

Первым делом я посмотрел наверх.

Сосны. Очень высокие, с красноватой корой и редкими нижними ветками. Между кронами просвечивало небо такой глубины, что я невольно сглотнул. У нас во дворе оно обычно помещалось между двумя девятиэтажками. Здесь на него можно было смотреть, пока не заболит шея.

Ветер прошёл по вершинам, потом добрался до поляны. Кожу на руках обдало прохладой. Пахло смолой, тёплой хвоей и чем-то сладким, цветочным. Справа в траве трещало насекомое. Замолкло, когда я повернулся, и снова затреща-

ло, стоило отвернуться.

Я присел и провёл ладонью по камню. Шершавый. С одного края ещё влажный от росы. На запястье осталась капля.

Рядом валялся отколотый кусочек сланца — серый, с рыжей прожилкой, длиной с большой палец. Один край тонкий, другой толщиной в ноготь. Я машинально поднял его: хороший клин, такой удобно загонять в узкую щель.

Над ладонью появилась надпись:

«Обломок сланца. Обычный предмет. Масса: 90 г. Урон при броске: 1–1. Особые свойства: отсутствуют».

Я повернул его боком. Таким можно придержать язычок защёлки, пока освобождаешь обе руки.

Положил обломок на место.

Паша показывал мне ролики. На маленьком экране всё это выглядело как очень дорогой мультфильм.

Я растёр воду пальцами и почему-то понюхал их.

Потом минуту просто сидел на корточках. Голубое окно терпеливо ждало.

Я пошевелил пальцами. Под ногтями не было ни краски, ни старого клея. Руки выглядели непривычно прилично.

Окно предложило настроить внешность. Передо мной поднялось высокое зеркало без рамы.

Я увидел себя в серых полотняных штанах и рубахе. Сорок два года, рост чуть выше среднего. Плечи ещё широкие, но спину я держал так, будто и здесь нёс ящик с инструментами. Короткие тёмно-русые волосы поредели у висков; там

уже пробивалась седина. Нос после старого перелома чуть уходил влево. Серые глаза, складка между бровями, щетина на тяжёлом подбородке. Усталое лицо человека, которого чаще спрашивают, когда будет готово, чем как он себя чувствует.

Я распрямился. Уже лучше.

Система предложила уменьшить возраст и выровнять черты. Палец задержался над ползунком. Потом я убрал руку: на входе Паша отдельно предупреждал, что за дополнительные настройки берут деньги.

Я оставил своё лицо. Если уж здесь удастся что-нибудь заработать, пусть хотя бы узнаю себя, когда буду радоваться.

Следующая вкладка называлась «Ощущения». Звуки, запахи, прикосновения — всё стояло на полной передаче. Болевая отдача — тридцать процентов.

Я передвинул ползунок на сто. Раз уж пробовать полное погружение, так полное.

Потом вспомнил, как зажал палец верстаком. Неделю ноготь чернел. Передвинул на пятьдесят три.

Число само под руку попалось. Пятьдесят третий бокс был моей первой мастерской: верстак из двери, обогреватель и первый заказ, за который заплатили без напоминаний. С тех пор, если требовалось выбрать число, я выбирал это.

Работать я привык на ощупь. Вернул сто.

Вспомнил, сколько раз обжигался и резался в мастерской.

Снова пятьдесят три.

Ещё раз выставил сто и открыл справку: влияет ли приглушение боли на точность рук? Оказалось, тактильная чувствительность настраивается отдельно.

Ну и зачем тогда терпеть? В третий раз вернул пятьдесят три.

Ползунок дрогнул и перескочил за правый край шкалы.

«Болевая отдача: 103%. Расширенная сенсомоторная адаптация».

Под строкой появился маленький серый переключатель, которого секунду назад не было. Я ткнул в название. Краткая справка сообщила: режим позволяет закреплять физические изменения игрового тела посредством нагрузок. Больше — ничего.

Попытался вернуть ползунок. Поле стало серым. Рядом светилось: «Профиль зафиксирован до завершения первого сеанса».

Я посмотрел на свои руки. Три процента сверх полного ощущения. Непонятно, зачем такой режим вообще нужен. Хотелось позвать Пашу, но пришлось бы вылезать из капсулы и объяснять, что я ещё на настройках застрял.

Ладно. Я сюда полки чинить пришёл. В бой пока не собираюсь.

Свернул вкладку. Внизу осталась маленькая отметка «103%».

«Виктор» был занят. «Сом» тоже.

Ввёл «НаСовесть».

Свободно.

Следом открылся выбор класса. Воин стоял первым: меч, щит, начальная боевая стойка. Следопыт — лук и выслеживание. Разбойник — короткие клинки и скрытность. Ниже маг перебирал над ладонью огонь, а жрец обещал лечение.

Я полистал описания. У каждого — готовое распределение характеристик, первое умение и оружие. Ни слова о том, как здесь делают мебель.

Внизу нашёл шестой вариант.

«Без класса. Свободное развитие. Тридцать стартовых очков случайно распределяются между шестью основными характеристиками. Значение каждой: от 3 до 8. Стартовые классовые навыки и оружие не предоставляются».

Я открыл подробности. Ремесленные профессии были доступны любому классу. Воин мог стать кузнецом, маг — портным. Но свободное развитие позволяло сначала попробовать разные боевые направления и выбрать, чему учиться дальше. Без готовых классовых способностей, зато без необходимости сейчас решать, кем я буду воевать.

Вот это уже было ближе. Сначала выясню, какая здесь работа. С мечом определюсь потом.

Нажал «Распределить». Цифры несколько секунд менялись местами и остановились.

«Сила: 5. Ловкость: 8. Выносливость: 5. Интеллект: 4. Мудрость: 4. Харизма: 4».

Восьмёрка в ловкости. По справке она отвечала за коор-

динацию и точность движений, в том числе при работе с инструментами. Пожалуй, годится. Хотя меч держать правильно за меня не научится.

Рядом с результатом не было кнопки повторного броска. Только «Подтвердить». Ниже сообщалось: после подтверждения распределение фиксируется.

Под шестью характеристиками стояла отдельная строка: «Удача: 5».

Я нажал на неё.

«Особая характеристика. Начальное значение для всех персонажей: 5. Влияет на вероятность случайных событий, редкость добычи и дополнительные эффекты изготовления. Не повышается свободными очками характеристик. Развитие: особые условия».

Удобно. Как понадобится везение — ищи особые условия.

Посмотрел ещё раз на ловкость. Для первой попытки вполне. Подтвердил создание персонажа и оказался на дороге перед воротами небольшого города.

Подошва съехала в колею, и я взмахнул руками, удерживая равновесие. Только что была поляна — теперь дорога, сапоги и грубая рубаха, которая ощутимо тёрла шею.

Слева на краю зрения появились три полоски. Красная — «Здоровье: 50/50», синяя — «Мана: 16/16», зелёная — «Запас сил: 50/50». Под ними: «Уровень: 1. Опыт: 0/100».

Я раскрыл панель персонажа.

«Класс: отсутствует. Свободные очки: 0».

Подсказка к харизме обещала влияние на первое впечатление и убеждение. Придётся объяснять заказчикам словами и показывать работу.

Коснулся выносливости. Каждая единица давала десять единиц максимального здоровья и столько же запаса сил. Значит, пятьдесят — это не сколько я выдержу ударов, а общий запас до поражения. Запас сил тратился на бег, тяжёлую работу и боевые приёмы; при отдыхе восстанавливался быстрее здоровья.

Мана зависела от интеллекта: четыре единицы за одно очко. Четыре на четыре — шестнадцать. Мудрость помогала восстанавливать её и сопротивляться ментальным воздействиям. Пока оба достоинства оставались теоретическими: список заклинаний пустовал.

За уровень полагалось два свободных очка характеристик. На второй требовалось сто единиц опыта, на третий — ещё двести. Я свернул длинную справку. Полоски стали почти прозрачными и перестали мешать смотреть по сторонам.

Внизу, за городом, блестела река. Она огибала холм с ветряными мельницами и уходила к лесу, над которым синели горы. На одной вершине лежал снег. Я прищурился: далеко над зубчатым хребтом медленно двигалась тёмная точка. Несколько взмахов крыльев, короткое скольжение — и она исчезла за облаком.

Спросить бы у Паши, кто там летает.

У ворот толпились телеги. Стена из желтоватого камня

поднималась над ними в два человеческих роста; из трещин торчали жёлтые цветы. На башне стражник вывешивал выстиранную рубаху рядом с синим знаменем. Рубаха хлопала по древку, и он сердито её отодвигал.

Мимо прошёл осёл, нагруженный мешками. Один мешок задел меня по локтю — тяжело, вполне по-настоящему. Погонщик что-то крикнул. Я отступил прямо в лужу.

На осле сидел мальчишка с острыми ушами и ел яблоко. Уши у него были в веснушках.

Вот этого я почему-то не ожидал.

Мальчишка поймал мой взгляд, показал огрызком на сапог и засмеялся. Я посмотрел на грязный сапог и улыбнулся. Сорок два года жил без эльфийских детей, а теперь один только что показал мне, что я наступил в лужу.

У ворот я заметил на подоконнике горшок с кривой геранью. У горшка откололся край. Даже отколотый край сделали. Я свои камни трое суток красил, чтобы походили на настоящие.

Стало обидно. А потом захотелось посмотреть, что там дальше.

За стеной город оказался шумным и тесным. Верхние этажи домов нависали над улицей, почти сходясь черепичными крышами. Между ними сушилось бельё. По водосточному желобу крался рыжий кот, а внизу женщина в зелёном переднике ругалась с бородатым коротышкой из-за разбитого кувшина. Коротышка держал под мышкой молот и уверял,

что кувшин стоял неправильно.

Этого я уже понимал.

У ворот продавали круглые буханки с мучными трещинами на корке. Пекарь разломил одну, выпустив белый пар, и запах тёплого хлеба добрался до меня сквозь дым, конский пот и речную сырость. Живот немедленно вспомнил, что пирожок был один.

Из переулка вылетела стайка синих искр. Я дёрнулся, но следом вышел парень в обгорелом балахоне, отряхнул рукав и сказал кому-то за спиной:

— Зато теперь зажигается.

Высоко на склоне, над крышами и дымовыми трубами, стояла белая башня. Вокруг её верхушки медленно вращались три каменных кольца. Держались в воздухе без тросов, без опор. Я остановился посреди улицы, попытался понять, куда приходится нагрузка, и тихонько выругался.

Потом засмеялся.

Мимо обтекала толпа. Люди несли корзины, спорили, торопились по своим делам. Никто не смотрел на кольца. А я задрал голову и никак не мог насмотреться.

Вот куда они все ушли из моего подвала.

У меня за тайной дверью начиналась комната с дым-машиной. Здесь за воротами был город, за городом — река, дальше горы. И к ним, наверное, можно было дойти. Взобраться на ту башню. Узнать, что пролетело над хребтом.

Я вдруг понял, что уже несколько минут не думаю о пла-

теже.

Рядом пронзительно скрипнуло железо.

Я опустил голову.

Над трактиром раскачивалась вывеска с кабаном. Сам трактир занимал угловой дом: каменный первый этаж, тёмные балки наверху, широкая дверь, распахнутая к улице. Изнутри тянуло жареным луком. Под навесом стояли две скамьи, а между ними лежала собака и пережёвывала что-то с видом законного владельца заведения.

Я остановился под вывеской.

Кабан висел на двух кольцах, одно из которых почти протёрлось. При каждом порыве ветра железо тёрлось о железо.

— Ну кто так делает, — сказал я.

У входа в трактир сидел широкоплечий мужчина с пустой кружкой. Рыжеватая борода спускалась на кожаный фартук, на закатанном рукаве белела мука. Он следил за собакой, время от времени постукивая пальцем по кружке. Над его головой светилось имя: «Борн. Хозяин трактира».

— Тебе чего? — спросил он.

Я показал наверх.

— Вывеску потеряешь.

Он запрокинул голову.

— Три года висит.

— Поэтому и потеряешь. Лестница есть?

Трактирщик прищурился.

Я уже собирался объяснить про нагрузку, боковой ветер

и то, что меня вообще никто не просил, когда перед глазами открылось новое окно.

«Доступно задание: Честное ремесло».

«Отремонтируйте вывеску трактира».

«Награда: 12 медных монет. Обед».

Я пересчитал: двенадцать медных против нужных четырёх тысяч. На платёж таким ремонтом не заработать. Но рядом сидел хозяин заведения — человек, который мог знать заказчиков побогаче. Начать с короткой работы и спросить о следующей было разумнее, чем бродить по городу.

— Лестница есть, — сказал Борн. — Инструмент свой?

— Показывай, что у тебя имеется.

Он поднялся, открыл дверь и махнул мне идти за ним.

Внутри, за широкими столами, сидели всего трое. Между трактиром и воротами шёл почти непрерывный поток людей, но сюда никто не сворачивал.

— Кабан у тебя хорош, — сказал я. — Только с дороги его не видно. Ребром висит.

— Как ветер повернёт.

— Вот именно.

Борн принёс лестницу и ящик. Внутри лежали молоток, клещи, ручная дрель, небольшая ножовка по металлу со сменным полотном для дерева, обрезки проволоки и несколько гнутых гвоздей. Маслёнка оказалась пустой.

Я поднялся на три ступеньки и придержал вывеску. Кольцо можно было заменить проволокой. Скрип исчез бы на

день, потом вернулся. А кабан так и показывал бы прохожим то спину, то хвост.

— Есть что-нибудь круглое? Ось от старого вертела, например.

— Есть старый вертел.

— Ещё лучше. И обрезки жести. Закреплю боком к дороге, чтобы кабана целиком было видно от ворот. Ветер будет ему на пользу.

Борн посмотрел на пустые столы, потом пошёл на кухню.

Я открыл таймер сеанса: оставалось три часа двадцать восемь минут. На вывеску дам час. Потом либо найду заказ дороже, либо выйду звонить покупателю фрезера.

У стены под лестницей лежал плоский серый осколок. Точно такой сланец, как на поляне, только короче. Я проверил толщину ногтем и сунул в карман. Теперь для него была работа.

Сначала пришлось снять старый кронштейн. Нижний болт проворачивался вместе с гайкой, а вторую руку за доску было не просунуть. Я обмотал тонкий край камня тряпкой, чтобы не раскрошить, и загнал между гранью гайки и стенкой паза. Гайку заклинило. Болт вышел.

Камень я вынул. На ребре осталась белая царапина; сам осколок выдержал. Обтёр его и убрал в карман.

Вывеску я закрепил боком к дороге, чтобы кабана было видно от ворот. Потом выпилил ему нижнюю челюсть. Борн, вернувшийся с вертелом и жестью, остановился на пороге.

— Ты ему морду сломал.

— Сейчас будет открываться.

Я показал на жестяную лопатку за доской: ветер повернёт её, а проволочная тяга приподнимет челюсть. Ось получилась из старого вертела. Борн взял кабана за клык и осторожно пошевелил пасть.

— Только чтоб на людей не упала.

Он остался придерживать лестницу. Когда я просил инструмент, подавал сразу нужный.

Когда я в первый раз повернул жестяной хвост рукой, кабан открыл пасть и застрял.

Борн молчал.

Я спустился, снял тягу, переставил крепление ближе к оси. Теперь ход стал короче, зато челюсть двигалась свободно. Внутри пасти я укрепил маленький жестяной колокольчик, который хозяин снял с двери кладовой.

Ещё через полчаса кабан уже ловил ветер жестяным хвостом и покачивал челюстью. При сильном порыве из пасти доносилось негромкое «дзинь». Я потянул доску на себя, проверяя крепление. Держалась.

Краски не нашлось. Я натёр клыки толчёным мелом.

У ворот остановилась девочка с корзиной. Дождалась, пока кабан снова откроет пасть, и засмеялась. Её спутник посмотрел вверх, потом заглянул в трактир.

— Кормят?

— Кормят, — быстро ответил Борн.

Я придержал лестницу, пропуская их к двери.

«Задание Честное ремесло выполнено».

«Получено: 12 медных монет. Обед».

«Получено опыта: 90. До следующего уровня: 10».

Красная полоска осталась прежней, а узкая шкала опыта под ней заполнилась почти до края. Я открыл пояснение награды: часть опыта дали за ремонт, остальное — за улучшение вывески. Значит, переделывать сверх заказа здесь тоже имело смысл.

Я проверил кошелёк. Двенадцать медных. На работу ушло пятьдесят три минуты — почти весь отведённый мной час. Я убрал окно и спросил Борна, нет ли в городе работы посерьёзнее.

Борн вернулся с двумя мисками и хлебом. Поставил передо мной, но сам не сел.

— Я тебя кольцо заменить просил.

— Кольцо тоже заменил.

Он посмотрел в окно. Там двое прохожих подняли головы на звон.

— Подожди здесь.

Из кладовой Борн вынес узкий кожаный футляр. Внутри лежал небольшой ручной зажим: две тонкие губки, винт с насечкой и поворотная головка. На одной губке виднелась старая зарубка.

«Монтажный зажим. Ремесленный инструмент. Состояние: 41/100. Удерживает малые детали и сжатые пружины.

Предельная нагрузка: 20 кг».

Я покрутил винт. На середине хода он заедал, но резьба была цела. Хорошая вещь. Может удержать собачку храповика, пока работаешь обеими руками. Или пружину — если сперва понять, сколько на ней нагрузки. Под каменную плиту такое не сунешь, раздавит.

— Хозяин до меня оставил, — сказал Борн. — Мне без надобности. Бери за кабана.

Я уже хотел поблагодарить, когда заметил сбоку на головке два отверстия. Разной глубины, со смещением. Большой палец сам нашёл упор.

Пятнадцать лет назад я сверлил такие на учебном стенде. Второе отверстие позволяло переставлять стопор под нагрузкой. Преподаватель тогда сказал, что это лишнее усложнение. Я всё равно сделал: иначе при разборке пружина била по пальцам.

В корпусе нашего института в ту весну сидели представители корпорации «Завет». Отбирали проекты механизмов для подземелий.

Меня не взяли.

Я перевернул зажим. Отверстия, упор, порядок перестановки стопора — всё совпадало с моим решением. Может, до такого додумался кто-то ещё. Но я слишком хорошо помнил спор у учебного стенда.

— Борн. А прежний хозяин откуда его принёс?

— Из старой штольни. Там раньше подъёмник чинили. А

что?

Я ещё раз переставил стопор. Он лёг в отверстие с коротким сухим щелчком.

— Покажешь, где эта штольня?

Глава 2. Лишняя деталь

— Покажу, — сказал Борн. — Только сначала поешь. У тебя руки дрожат.

Я посмотрел на пальцы. Действительно дрожали. Не от волнения — от голода и непривычной работы над головой. Вроде лежу в капсуле, а плечи устали так, будто лестница была настоящей.

В миске лежало мясо с репой, густой соус блестел в углублении между ломтями. Я отломил хлеба, обмакнул. Перец защипал язык. Пришлось подуть на следующую ложку.

За столом у окна девочка рассказывала спутнику, как кабан кивнул именно ей. На улице звякнул колокольчик.

Борн сел напротив и разложил на столе грубую карту. Прижал угол солонкой.

— Вот ворота. От них по ручью вверх. Штольню называют Медной, хотя медь там лет сорок не добывают. Остались каменоломня и старые выработки. Мой предшественник покупал оттуда железо.

— Он жив?

— У дочери в столице. Тебе инструментов мало?

Я положил зажим на карту.

— Этот где-то видел. Хочу понять, кто сделал.

Борн пожал плечами. Для него происхождение железки не было загадкой, ради которой стоило откладывать обед.

— Сходи к десятнику Руду. Он сейчас людей на подъёмник ищет. С утра посыльный приходил: работа стоит, вагонетки наверху нужны. Платят хорошо.

— Насколько хорошо?

— На доске было пятьдесят два серебряных. На всех.

Ложка остановилась на полпути ко рту.

— За ремонт?

— За подъём двух вагонеток из нижней выработки. Чем поднимешь — твоё дело. Только людей не покалечь.

Я посмотрел на часы. Два часа двадцать восемь минут.

Пятьдесят два серебряных. Даже часть этой суммы могла приблизить меня к платежу. Только за что столько платили?

— Почему до сих пор не сделали?

— Один мастер спустился, вернулся за запчастями. Второго пока нет. Я на шахте не работаю.

Это было разумное уточнение.

Я доел. Попросил у Борна взаймы инструменты, которыми чинил вывеску. Он выложил их на прилавок, рядом поставил фонарь и назвал залог. Монет у меня не хватало даже на ножовку.

Я потянулся снять с пояса зажим.

Борн отодвинул мою руку.

— Оставь его себе. За остальное поручусь перед женой. Вернёшь до закрытия.

На экране появилось предложение принять вещи во временное пользование. Ниже стояла стоимость возмещения.

Я прочитал всё, включая мелкие строчки. Потом подтвердил.

В реальности второй такой договор я бы уже не пережил.

За воротами дорога раздвоилась. На главной телеги поднимали пыль, а вдоль ручья тянулась узкая тропа, промятая сапогами. Я свернул на неё.

Городской шум отступил быстро. Под нависшими ивами вода казалась тёмно-зелёной; на мелководье солнце выхватывало каждый камешек. За ручьём женщина с длинными ушами развешивала на жердях полосы красной ткани. Вода под её помостом была розоватой. Оттуда пахло мокрой шерстью и кислой краской.

Я раньше считал, что в дорогой игре должно быть красиво везде. Здесь за последним домом лежала куча битой черепицы, а на повороте кто-то выбросил дохлую курицу. Мухи над ней были совершенно убедительные.

Я посмотрел на таймер и прибавил шагу. Потом перехватил ящик поудобнее и побежал трусцой.

Первые минуты бежать вдоль воды было легко. Потом ручка начала резать ладонь, рубаха прилипла к спине. Зелёная полоска ползла вниз. Я сменил руку, на подъёме перешёл на шаг, отдышался и снова побежал.

Через десять минут коротко звякнуло.

«Выносливость: 5 6. Максимальное здоровье: 60. Максимальный запас сил: 60».

Я остановился у сосны и перечитал сообщение.

«Расширенная сенсомоторная адаптация: достигнут первый порог нагрузки. Начальная адаптация завершена. Дальнейшее развитие требует возрастающей нагрузки и восстановления. Повторение освоенной нагрузки роста не гарантирует».

На странице персонажа уровень всё ещё был первый, опыт — девяносто из ста. Но выносливость уже шесть. Похоже, серый переключатель у зеркала действительно что-то включил.

Я посмотрел на цифры. Если так можно развивать тело, это стоит отдельной проверки. Только сначала деньги.

Передохнул, пока пульс не успокоился. Запас сил медленно поднялся с двадцати двух до тридцати одного из шестидесяти. Последний участок прошёл шагом.

Через четверть часа после выхода из города показалась каменоломня.

В склоне холма белели ступени вырубленной породы. Над ними нависал сосновый лес, корни крайних деревьев торчали из обрыва. Внизу стояли навесы, сложенные доски и телеги без оглобель. Ветер нёс тонкую каменную пыль. На зубах сразу заскрипело.

Вход в штольню подпирали почерневшие брёвна. Рядом висела доска объявлений. Среди предложений принести хвосты пещерных крыс я нашёл нужный лист.

«Поднять две гружёные вагонетки. Награда: 52 серебряных. Сохранность груза обязательна. Расчёт после приём-

ки».

Под текстом была приписка другим почерком: «Подъёмник остановлен. Без разрешения не включать».

— Ты к кому?

Невысокий мужчина в кожаном фартуке вышел из-под навеса. Седая борода была перевязана бечёвкой, одна бровь рассечена старым шрамом. Смотрел он исподлобья, но не сердито: от яркого света щурился. Над головой значилось: «Руд. Десятник».

— По объявлению. Борн прислал.

— Механик?

— Пока не посмотрю, ничего не обещаю.

Он задержал взгляд на моём ящике.

— Эти хотя бы свои принесли.

У штольни сидели двое. Парень лет двадцати, долговязый, в короткой кольчуге поверх синей куртки, доедал яблоко. Светловолосая девушка рядом затягивала ремень на наруче. На её щеке тянулся след известковой пыли; волосы были убраны так туго, что у висков виднелась светлая кожа.

Над ними висели имена: «Рикошет» и «Заноза». У обоих — восьмой уровень.

Парень поднялся.

— Ну наконец-то. Я думал, до вечера просидим.

— Они на охрану нанялись, — пояснил Руд. — Двадцать из награды им. Тридцать два тебе, если справишься. Согласен — оформим группу.

До нужной суммы не хватало примерно восьми серебряных. Но другого заказа у меня не было. Может, после ремонта найдётся ещё работа. А если нет, Паша хотя бы увидит, что большую часть я уже заработал: попросить недостающее будет легче, чем все три шестьсот.

— За что такая оплата?

Руд показал на две телеги.

— Камень на городскую стену. Подрядчик платит за доставку сегодня. Не поднимем до смены — потеряю больше. Люди на нижнем дворе ждут, работать дальше нечем: обе вагонетки там.

— А первый мастер?

— Решил, что нужен новый храповик. Поехал заказывать. Привезёт послезавтра.

Девушка посмотрела на меня.

— У тебя первый уровень.

— Вижу.

— Внизу крысы. Большие. От нас не отходи.

Я принял приглашение в группу и открыл условия задания. Мои тридцать два серебряных появились отдельной строкой. В списке участников у Рикошета и Занозы стояла пометка «игрок». Рядом с именем Руда её не было.

Значит, эти двое лежали где-то в капсулах, как я. А десятник жил здесь. Вернее, изображал, что живёт. Пока разобраться в разнице у меня не получалось.

— Тебя как звать? — спросила девушка, убрав окно груп-

пы.

— Виктор. Можно Витя.

— Ладно, Витя. Если кричу остановиться — сначала останавливаешься, потом спрашиваешь почему.

Я кивнул. Представляться в ответ она не стала: имя над её головой было видно и так.

До конца сеанса оставалось два часа восемь минут.

— Сначала осмотр, — сказал я Руду. — Если зубья действительно сорваны, я их молотком не выращу.

— До четвёртого колокола бы закончить, — сказал Рикошет. — Меня в городе группа ждёт. Один раз уже опоздал, больше не возьмут.

— Мы до подъёма груза нанялись, — ответила Заноза.

— Я и не ухожу. Я спрашиваю.

Он поправил ремень копья и первым подошёл к входу. Заноза подождала, пока Руд возьмёт второй фонарь. Я поставил свой ящик на землю: застёжка всё никак не попадала в петлю.

Руд кивнул и повёл нас внутрь.

Первые шагов тридцать в штольне пахло соснами. Потом холодом, сырым деревом и железом.

Свет у входа стянулся до маленького белого прямоугольника. Под фонарём выступали рельсы с блестящими верхушками; между шпалами лежала бурая вода. С потолка капало. Где-то в глубине удар отвечал удару, будто в темноте медленно работал другой мастер.

Я нащупал кнопку выхода из игры. Окно открылось сразу: вне боя можно было закончить сеанс после короткого отсчёта. Закрыл его. Хотелось просто убедиться, что дверь за спиной существует.

Рикошет шёл впереди, держал короткое копьё поперёк тела. Заноза замыкала. Короткий меч у неё висел слева; длинный нож — впереди на поясе, чтобы доставать в тесноте.

— Ты первый раз? — спросил Рикошет.

— В этой шахте — да.

Он оглянулся на мой уровень.

— Вообще.

— Вообще тоже.

Руд остановился перед деревянным ограждением. За ним уходил вниз наклонный настил с рельсами. Цепь тянулась от большого барабана в боковой нише и исчезала в черноте.

— Тут нижний двор. Там наши. По лестнице можно, только груз не вынесешь.

Я поставил фонарь на полку. Лебёдка была ручная, с длинными рычагами на барабане. Рядом — тормозная колодка и зубчатое колесо, которое удерживала собачка. На зубьях поблёскивала свежая смазка.

— Кто трогал после остановки?

— Мастер и я. Больше никто.

— А до?

Руд нахмурился.

— Вчера стражу от крыс ставили. Может, задели. Рычаги

тут рядом.

Я осветил колесо сбоку. Два зуба имели выщерблины, но до основания оставалось далеко. Собачка лежала на скосе и не доходила до впадины.

Попробовал поднять её за хвост. Не пошла.

— Отойди от колеса, — сказал я Рикошету.

— Я не трогаю.

— Поэтому и прошу заранее.

Мы с Рудом подставили под обод деревянную колодку. Десятник затянул тормоз. Только после этого я сунул фонарь за раму.

Стальная скоба, которая держала ось собачки, выгнулась. Пружина перетянула рычаг вбок, и тот зажал собственное крепление. Первому мастеру, видимо, хотелось увидеть сломанные зубья: их он и увидел.

Я попросил Руда немного подать барабан вперёд. Цепь вздрогнула, натяжение отпустило собачку. Закрепил её зажимом, предварительно проверив, что вес вагонетки остаётся на тормозе и колодке. Маленькому инструменту досталась только пружина.

Вынул палец оси. Скоба вышла с коротким щелчком.

На её внутренней стороне виднелся круглый след от сильного удара.

— Кто-то рычагом приложился, — сказал я.

Руд молча взял скобу.

На исправление ушло больше времени, чем на поиск неис-

правности. Пришлось снять пружину, выправить скобу на плоском куске рельса, дважды проверить отверстия. Первый раз палец вошёл туго. Я снова разобрал крепление: под нагрузкой его закусило бы.

В ладони начала ныть мышца у большого пальца.

Рикошет переминался возле ограждения.

— Может, просто дёрнуть посильнее?

Я поднял на него глаза.

— Видишь круглый след? До тебя уже предлагали.

Заноза отвернулась. По плечам было заметно, что улыбается.

Когда собачка наконец свободно легла между зубьями, появилось сообщение:

«Освоен навык: Диагностика простых механизмов. Ранг: начальный».

Под сообщением появилось маленькое изображение глаза. Я коснулся его и снова посмотрел на лебёдку.

Уже проверенная собачка обозначилась тонким серым контуром. На краю барабана мигнула жёлтая точка. Я наклонил фонарь: шплинт, удерживающий ось, наполовину вылез из отверстия. В тени за рычагом я его пропустил.

Вставил до упора, развёл концы. Жёлтая точка погасла.

Я выключил навык и включил снова. Ничего нового он не показал. Ни устройства лебёдки не объяснил, ни за фонарём заглянуть не смог. Но шплинт я без него мог заметить уже после первого оборота. Если бы успел.

Пожалуй, стоило разобраться, как этому учатся дальше.

Сначала проверили пустой ход. Потом Руд подал цепью условленный сигнал вниз. Нам ответили двумя ударами.

Мы выбрали слабину, сняли колодку. Я стоял возле тормоза, десятник поворачивал барабан. Из темноты пополз скрип колёс.

Вагонетка вышла на верхнюю площадку медленно, как тяжёлый зверь из норы. Внутри лежали обтёсанные каменные блоки. Цепь натянулась, дерево рамы тихо простонало. Собачка перескочила зуб, другой, уверенно села на место.

Я ещё не успел выдохнуть, когда снизу закричали.

Заноза первой развернулась к лестнице.

— Сиди у тормоза! — бросил я Руду.

И пошёл следом, забыв, что никакого оружия у меня нет.

Крысу я увидел на нижней ступеньке.

Она была длиной с дворовую собаку. Мокрая шерсть стояла клочьями, голый хвост хлестал по камню. Жёлтые зубы мелькнули в свете фонаря.

Я остановился так резко, что Рикошет ударился мне в спину.

— Назад!

Не знаю, кто из нас это крикнул.

Парень протиснулся мимо, выставил копьё. Крыса рванулась, ударилась грудью в наконечник, завизжала. Меня обдало тёплыми брызгами. От запаха вывернуло живот.

Заноза была уже внизу.

Я спустился, держась за стену. На площадке возле второй вагонетки шахтёр прижимал к груди окровавленную руку. Второй забрался на ящик, отбивался лопатой. Из узкой щели между стеной и старой крепью лезли ещё две крысы.

Одну Заноза встретила ножом. Другая метнулась под вагонетку.

— Не подходи! — сказала она мне.

Я и не собирался. Сжимал ручку ящика так, что свело пальцы.

За вагонеткой висела старая решётка. Вернее, должна была висеть: сейчас её нижний край стоял наискось, оставив проход у пола. В боковом пазу застрял камень величиной с кулак.

— Решётку закрыть можно?

Шахтёр с лопатой кивнул на стену.

— Рычаг! Только не идёт!

Дёргать его было бесполезно: камень держал полотно. Цепь сверху провисла. Противовес давно опустился до упора.

Я показал Занозе на щель.

— Мне полминуты возле паза. Удержите их там.

Она посмотрела на мою пустую руку, потом на решётку.

— Рикошет, справа!

Я опустился на колени. Фонарь дрожал, пришлось поставить на пол. За прутьями скребло, но смотреть туда было некогда.

Вытянуть камень пальцами не получилось. Решётка прижимала его всем весом. Я вставил молоток рукоятью под нижний край, подложил под головку короткий обрезок доски. Потянул. Полотно поднялось едва заметно — и всё же камень шевельнулся.

— Подержи! — крикнул я шахтёру с лопатой.

Он соскочил с ящика. Прижал рукоять, пока я выковыривал камень клещами.

Что-то ударило в решётку с другой стороны. Я отшатнулся. Молоток дрогнул, нижняя перекладина скользнула по рукаву. Ткань затрещала. Под локтем обожгло.

«Получен урон: 6 единиц. Здоровье: 54/60».

Я уставился на красную полоску кожи. Локоть саднило, как после удара об острый край железа. Полная отдача. Те сто три процента, до которых я дощёлкался у зеркала, теперь ощущались совсем иначе.

Хотелось отдёрнуть руку и отойти. Но шахтёр ещё держал молоток, а камень оставался в пазу.

— Вытащил? — спросил шахтёр.

— Да. Плавно отпускай.

Решётка легла на порог. Из темноты в прутья ткнулся розовый нос, за ним второй. Щель снизу исчезла.

Я поднялся и только тогда заметил, что продолжаю держать клещи обеими руками.

Рикошет добил крысу возле вагонетки.

«Групповой бой завершён. Получено опыта за участие:

12».

«Уровень повышен: 2. Опыт: 2/200. Свободные очки характеристик: 2».

Рядом развернулось предложение распределить добычу и очки. Я попытался закрыть одно окно, попал в другое.

— Потом, — сказала Заноза. — У нас человек ранен.

Рикошет посмотрел на шахтёра и свернул окно. Молча подставил плечо, помогая усадить его у стены.

Только теперь я заметил, как побелело у шахтёра лицо. Его здоровая рука соскользнула с плеча Рикошета.

Она перевязала ему предплечье, дала выпить из маленького флакона. Я стоял рядом, освещал рану и старался не мешать. Было стыдно, что минуту назад я успел подумать о своих шести единицах.

Шахтёр всё просил не снимать с него куртку: хорошая, жена только зашила. Я держал фонарь и смотрел, как он свободной рукой пытается спрятать прореху.

Программа, напомнил я себе. Сейчас закончим, выйду — и у меня даже царапины не останется.

Фонарь я всё равно переставил, чтобы ему не било в глаза.

Вторую вагонетку подняли вместе с раненым. Остальные вышли по лестнице.

У входа я сел на штабель досок. Дневной свет резал глаза. Над каменоломней по-прежнему шумели сосны; где-то гремели пустые телеги. От этого обычного шума постепенно перестало колотиться сердце.

Руд осмотрел обе вагонетки, пересчитал блоки и открыл расчёт.

«Задание Поднять две гружёные вагонетки выполнено. Получено: 32 серебряные монеты. Получено опыта: 160».

«Уровень: 2. Опыт: 162/200».

Только теперь я открыл панель целиком. Второй уровень. Под двумя свободными очками стояла подсказка: «За каждый новый уровень: 2 очка. Можно распределить между шестью основными характеристиками. Удача развивается отдельно. Очки разрешается сохранять». Я посмотрел на выносливость: шестёрка вместо пятёрки, хотя ни одного очка я туда не вложил. Значит, сначала стоит понять, что получится поднять нагрузкой, а что придётся покупать за уровни. Оставил оба очка свободными. На следующем заходе проверю, сработает ли это с силой.

Я открыл кошелёк. Сумма была верная. Этого всё ещё не хватало.

— За решётку отдельно посчитаем, — сказал я Руду.

Он поднял глаза от приёмной ведомости.

— В задании её не было.

— Поэтому и отдельно. Подъёмник я проверил. А там камень вынул, полотно опустил. Теперь ваши люди могут мимо ходить. Верхнее крепление ещё менять надо, за него не прошу.

Руд посмотрел в сторону входа. Шахтёра с перевязанной рукой укладывали на телегу.

— Из ремонтных могу семь серебряных. Остальное через управляющего, завтра.

— Семь сейчас, — сказал я.

Произнести это оказалось труднее, чем вытянуть камень. Обычно я в таком месте говорил: ладно, потом сочтёмся. Потом не считались.

Руд вписал ещё одну строку. Кошелёк пополнился.

— А за крыс? — спросил Рикошет. — Ты в группе был, добыча на троих.

Он открыл распределение: шкурки, зубы, какая-то железа. Заноза отказалась от своей доли. Я посмотрел на список и представил, как буду искать покупателя с этими зубами.

— На продажу времени нет. У меня сегодня платёж.

— Я всё равно иду к скупщику. Твою долю за три серебряных возьму. Может, четыре выручу, если шкуры примет.

Я сверил указанную в окне примерную стоимость и согласился. Рикошет перевёл монеты, забрал добычу. В кошельке стало сорок два серебряных и двенадцать медных.

Он затянул мешок и подошёл к телеге.

— Подвиньтесь. До ворот провожу.

— А группа? — спросила Заноза.

— Уже написал. Найдут другого.

Он не смотрел на неё. Проверял, не попала ли перевязанная рука под край одеяла.

Попросил Руда подождать меня у входа и вышел из игры.

Темнота сменилась тесной капсулой. Локоть не болел. Я

провёл по коже пальцами: ни царапины.

Паша поднял крышку.

— Что случилось?

— Нужен телефон.

Он подал со стола мой аппарат. Свет экрана показался слишком плоским. Я с трудом попал пальцем в значок банка.

Паша помог открыть биржу через приложение «Завета». Документы мы подтвердили перед сеансом, но при продаже всё равно пришлось повторить проверку. Система попросила повернуть голову. Я повернул.

Продал сорок два серебряных по заявке чуть хуже той, которую Паша показывал днём. После комиссии пришло три тысячи семьсот пятьдесят девять рублей.

Я прибавил к остатку на счёте. Хватало. Ещё сто пятьдесят девять рублей оставались.

Паша придвинулся, проверил сумму вместе со мной.

Я внёс тридцать восемь тысяч шестьсот и дождался подтверждения банка. Следом пришло сообщение: условия отсрочки выполнены.

Долг никуда не исчез. Следующий платёж ждал через месяц.

Но фрезер оставался у меня.

Я написал покупателю, что продажу отменяю. Потом положил телефон на грудь и закрыл глаза.

В комнате гудела вытяжка. За стеной кто-то смеялся. До меня наконец дошло, что плечи в реальности не устали.

Устал я сам.

— Ну? — тихо спросил Паша.

Я открыл глаза.

— Работает.

Он кивнул. Расспрашивать, что я там видел, не стал. Только подвинул ко мне стакан воды.

До обслуживания капсулы оставалось сорок две минуты.

Я вернулся на штабель досок. Телега уже ушла. Заноза стояла рядом с Рудом и убирала в сумку остаток чистого бинта.

И впервые с утра мне не потребовалось сразу что-нибудь делать.

Я откинул голову. Сосновые ветви над обрывом покачивались на ветру. Между ними медленно тянулось белое облако. От нагретых досок пахло смолой; у самого сапога полз чёрный жук, перелезал через щепку, срывался и начинал снова.

Вдохнул глубже. Воздух был прохладный, с горечью хвои и каменной пылью. До этого я всё проверял, насколько здесь настоящее. Сейчас просто сидел и дышал.

Фрезер оставался в гараже. Платёж прошёл. Сегодня вечером никто не заберёт мои инструменты.

Я закрыл глаза. Сквозь веки просвечивало солнце. Где-то за навесом плеснули воду, заскрипело колесо.

Потом вспомнилась крыса. Как я остановился на лестнице и перегородил Рикошету дорогу. Если бы рядом не оказалось этих двоих, одного умения чинить лебёдки мне бы не

хватило.

— Заноза, а где мечом учат?

Она подняла глаза.

— У казарм. Ты без класса? В группе так и написано.

— Выбрал свободное развитие. Пока знаю, что драться молотком из ящика не хочу.

— С короткого меча можно начать. Только сначала держать научись и с линии удара уходить. Навык система запишет, когда получится, сама руку за тебя не поставит.

Я посмотрел на ножны у её бедра.

— Покажешь?

— В городе тренировочный двор. Там старый воин, Гаррен, за инвентарём присматривает. Раньше стражу учил. У него и клинок учебный найдётся.

— Уроки дорогие?

— Он сейчас больше за стойку с мишенями переживает: её перекосило, трос соскакивает. Спросишь, можно ли работой рассчитаться. Только сразу договорись. Я познакомлю, если на следующем заходе пересечёмся.

Я кивнул и отметил казармы на карте. Починить стойку я, наверное, смогу. А вот пережить ещё одну встречу с крысой без чужого копья — пока вряд ли. Два свободных очка подождут разговора с человеком, который понимает в оружии.

Подниматься с досок не хотелось. Но вспомнилась провисшая цепь. Решётка сейчас лежала на пороге, а следующий рабочий мог потянуть за рычаг, поднять её и полезть в паз

рукой.

— У меня полчаса, — сказал я десятнику. — Спустимся ещё раз. Я покажу, что с креплением. До замены решётку поднимать нельзя.

Руд помолчал.

— Больше сегодня платить нечем.

— Я понял. Просто покажу, что менять. Пока кто-нибудь пальцы не сунул.

Он взял фонарь. Заноза проверила нож.

— До решётки провожу. Там ещё скребутся.

Про зажим я вспомнил уже у лестницы. Раз уж снова спускаемся, можно спросить и о нём.

Внизу стало тише. За решёткой шуршало, но в прутья никто больше не бросался. Я осмотрел цепь, нашёл выскочившее звено направляющей и показал Руду. Без новых креплений чинить было нечего. Десятник принёс доску, и мы разрезали на полосы старый мешок, чтобы привязать предупреждение поперёк прохода.

Пока Руд привязывал предупреждение, я заметил у стены снятый ржавый натяжитель. На поворотной головке были два отверстия со смещением. Я вытащил зажим, приложил рядом. Размеры другие, но стопор переставлялся в той же последовательности.

На учебном стенде я сначала собрал большой узел, а маленький зажим сделал позже, из обрезков. Здесь повторились оба варианта.

— Это старое? — спросил я.

— С прежних ворот, — ответил Руд. — Ещё отец с ними работал.

Я провёл пальцем по ржавой головке. Для десятника эта вещь была старше нас обоих. Для меня — младше моего чертежа.

— А железо для Борна отсюда брали?

Руд указал за направляющую. Там оказалась низкая дверь. Каменная, почти слившаяся со стеной. У пола в ней виднелось круглое отверстие; возле порога лежали две потемневшие монеты.

— Отсюда железо и таскали, — сказал Руд. — Старая кладовая. Только вход давно закрыт. Я ещё мальчишкой был.

Я присел, поднял ближайшую монету. Медная, без надписи, с почти стёртым изображением ладони.

— Не наша, — сказал десятник. — Можешь оставить.

Справа от круглого отверстия проходила узкая вертикальная щель. Внутри что-то блеснуло. Я достал сланцевый обломок из кармана и осторожно провёл тонким краем по щели. Нашёл конец плоской пружины.

— Тут защёлка. Если её поджать…

Монета выскользнула из пальцев. Я попытался поймать её коленом, попал по ребру ладонью — и она исчезла в отверстии.

За дверью негромко щёлкнуло.

Камень в моей руке приподнялся вместе с язычком защёл-

ки. Внутри стены прокатился тяжёлый груз. Я успел убрать пальцы.

Дверь отступила в паз.

Руд медленно повернул фонарь ко мне.

— Ты откуда знал?

Я посмотрел на круглое отверстие. Потом на собственную пустую ладонь.

— Монету уронил.

Десятник тактично промолчал.

Из проёма потянуло сухим тёплым воздухом. За ним виднелись ступени, а ниже — тусклый золотистый свет. Пыли на ступенях не было.

Перед глазами появилось окно.

«Обнаружен скрытый маршрут: Дом последнего шанса».

Я посмотрел на таймер. Двадцать девять минут.

— Потом, — сказал я. — Отмечу место и вернусь.

Из глубины донёсся стук. Три коротких удара.

Мы замерли.

— Есть кто? — спросил я.

Ответила женщина. Голос был негромким, немного хриплым, как после долгого молчания.

— Если вы собираетесь закрыть дверь, сначала вытащите мою руку из механизма.

Я опустил взгляд на зажим у пояса.

И снова открыл ящик с инструментами.

Глава 3. Держать крепче

— Руку не дёргайте, — сказал я в темноту.

— Хорошо, что предупредили. Я как раз собиралась.

Заноза прошла мимо меня первой. Я поднял ящик и спустился следом, стараясь попадать сапогом в середину ступени. Руд остался у входа: подпер дверь принесённой доской.

Внизу пахло тёплым воском. После шахтной сырости запах был неожиданно домашним.

За поворотом открылась круглая комната. По стенам шли пустые ниши, в центре стоял каменный стол, над которым на тонких цепочках висели десятки медных кружков. Свет исходил от чаши на столе. В ней горело ровное золотистое пламя, хотя ни масла, ни фитиля я не разглядел.

Женщина сидела на полу возле стены. Тёмные волосы выбились из косы, рукав серого платья был задран до локтя. Правая кисть уходила в раскрытую бронзовую коробку. Левой она придерживала тяжёлый обод, не давая ему повернуться.

На лбу у неё выступила испарина.

Над головой проступило: «Вея. Хранительница».

— Давно так? — спросила Заноза.

— Руку зажало, когда открылась верхняя дверь.

Я посмотрел на часы. Двадцать семь минут.

Значит, это мы.

— Что внутри?

— Палец под скобой. Если отпущу обод, прижмёт сильнее.

«Доступно задание: Рука помощи. Освободите хранительницу, не повредив механизм двери».

Я подтвердил и опустился на колено.

Заноза присела с другой стороны, заглянула в коробку и убрала руку от ножа.

— Резать тут нечего. Витя?

Я поставил фонарь. Внутри блестели два колеса и короткий рычаг. Когда открылась дверь, одно колесо повернулось, рычаг опустился. Хранительница, видимо, пыталась придержать его рукой.

— Ты чего туда полезла?

— Иначе дверь бы не открылась до конца. Вы бы решили, что за ней стена.

Она произнесла это спокойно. Только подбородок дрогнул, когда обод чуть сдвинулся.

Я перестал задавать вопросы.

Сначала подставил под него рукоять клещей. Заноза прижала инструмент обеими руками. Обод разгрузили, и женщина смогла убрать левую ладонь. На коже остались тёмные полосы.

Мой зажим помещался между стенками коробки. Но удержать всё колесо ему было не по силам. Я нашёл маленькую пружину, которая прижимала скобу, подхватил её губ-

ками и медленно затянул винт.

На середине резьбы он заел.

— Не торопись, — сказала Вея.

Я и не торопился. Чувствовал затылком Занозу: сколько она ещё удержит обод?

Второе отверстие на головке зажима оказалось как раз под пальцем. Переставил стопор, освободил ход винта и довернул ещё на четверть.

Скоба приподнялась.

Женщина вытащила кисть, прижала её к груди. Я хотел сразу убрать инструмент, но Заноза покачала головой.

— Сначала я отойду.

Мы по очереди отступили. Я снял зажим последним. Обод провернулся с глухим стуком; наверху скрипнула дверь, упёрлась в доску и остановилась.

Вея сидела, закрыв глаза. На двух пальцах виднелись красные борозды.

Передо мной возникло окно.

«Задание Рука помощи выполнено. Получено опыта: 25. Уровень: 2. Опыт: 187/200».

Я смахнул окно и поставил бронзовую крышку на место, подогнув клещами защёлку.

Я собрал инструмент. У фонаря на боку появилась вмятина. Борн заметит.

— Что здесь было? — спросила Заноза, оглядев пустые ниши.

Вея поднялась, придерживая кисть.

— Дом для тех, кому больше некуда идти. Раньше сюда приносили по монете. Иногда забирали больше, чем приносили.

Она провела пальцами по краю каменного стола. На пыльном ободке осталась чистая дорожка.

— Потом о нём забыли?

— Не все.

Вея посмотрела на мой зажим.

— Этот инструмент здесь делали. Давно. Я узнала головку.

Я шагнул ближе.

— Кто делал?

— Имени не помню. Он принёс несколько чертежей. Очень сердился, когда его спросили, почему у мастера на рисунке чужая подпись.

В комнате вдруг стало тихо. Даже подвески над столом перестали позвякивать.

— Что за подпись?

— Надо сверить с книгой приношений. Там записывали, кто что принёс.

— Она здесь?

— Внизу, в хранилище. Я давно не открывала те ящики. Нужную запись за несколько минут не найду.

Я ещё раз повернул зажим, показывая отверстия на головке.

— Это решение я придумал. В своём мире. Мне нужно узнать, как оно сюда попало.

Вея посмотрела уже на меня.

— Принеси рисунок. Посмотрим, что было в чертежах, которые я видела.

Схему стенда я помнил. Нарисовать смогу.

— К следующему заходу найдёшь книгу?

— Попробую.

Двадцать две минуты.

Вспомнил, что стою в подземелье с чужим ящиком, а капсулу через двадцать две минуты начнут обслуживать.

— Я вернусь.

— Знаю.

Она подошла к столу, сняла с цепочки медный кружок и протянула мне. На нём была ладонь — такая же, как на монете у двери. В середине темнела маленькая точка.

— За руку. И за крышку.

Я взял кружок. Металл оказался тёплым.

«Получено благословение Малый шанс. Удача: 5 6. Действует до отмены покровителем».

Медь рассыпалась между пальцами тёплыми искрами. Я отдёрнул руку. Ничего не обожгло.

Открыл панель. Шестёрка действительно стояла на месте пятёрки. Рядом появилась незнакомая отметка в виде ладони.

— Что это значит?

— Что иногда у тебя будет ещё одна возможность.

— Иногда — это насколько часто?

Вея чуть улыбнулась.

— Посмотришь.

Заноза посмотрела на мою пустую ладонь.

— Что дали?

— Единицу удачи. Благословением.

— Саму характеристику подняло?

Я кивнул. Она наклонилась ближе, и я развернул окно, разрешив ей просмотр.

— У меня до сих пор пять, — сказала Заноза. — За уровни её не дают. Я и не видела раньше, чтобы вот так прибавляли.

Она посмотрела на медные кружки над столом, затем на Вею.

— Запомни дорогу, — тихо сказала Заноза и тронула меня за плечо.

— Тебе выходить пора.

У двери я обернулся. Хранительница уже распутывала цепочки над столом левой рукой. Правую берегла.

— Кисть перевяжи, — сказал я.

Заноза молча достала из сумки остаток бинта и положила на край стола.

До трактира я добрался за шестнадцать минут. На подъёмах бежал, на спусках придерживал ящик коленом, чтобы не бил по ноге. За десять минут до конца перед глазами раз-

вернулось предупреждение об отключении; пришлось прибавить шагу. Никаких новых прибавок за дорогу не дали.

Заноза свернула к воротам каменоломни: Руд попросил её остаться до закрытия нижнего прохода. Мы добавили друг друга в список знакомых. Рикошета она обещала предупредить сама.

Борн нашёлся возле печи. Я поставил ящик на прилавок и показал вмятину на фонаре.

— Ударил об стену. Стекло целое.

Он повернул фонарь, проверил заслонку.

— Светит — и ладно. В шахте сделал?

— Подъёмник починил. Ещё нашёл, откуда твой зажим.

Борн поднял голову.

— И?

До отключения оставалось четыре минуты.

— Завтра расскажу.

Он пересчитал инструменты и снял с меня обязательство возмещения. Я дождался, пока строка исчезнет из списка заданий.

Борн заметил разорванный рукав, достал из-под прилавка маленькую жестянку.

— Промой и смажь. Подарок. А то всю скамью потом кровью испачкаешь.

Царапина уже подсохла. После мази неприятно защипало, зато появилось сообщение: восстановление здоровья ускорено.

Я сел в углу, выбрал выход и успел увидеть, как кабан за окном открыл пасть.

Паша встретил меня с отвёрткой в руке.

— Почти впритык, — сказал он. — Я уже шёл тебя вынимать.

Я сел в капсуле. Носки были холодные, рубашка сухая. Провёл пальцами по локтю. Кожа гладкая. Потом поднял руку к лицу — на миг ещё показалось, что пахнет воском.

— Ты когда домой? — спросил я.

— После восьми. А что?

— Подожду.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Там всё нормально?

Я кивнул. Про женщину под землёй пока рассказывать не хотелось. Сам ещё не понял, что именно произошло.

В салоне заняли почти все капсулы. У стойки спорили двое молодых парней: один показывал на экране меч, другой убеждал его, что за такие деньги лучше взять щит. Администратор протирала стаканы рядом с автоматом для воды.

Я устроился на диванчике у служебной двери. Открыл банк.

Сто пятьдесят девять рублей.

Следующий платёж через месяц. А ещё продукты, телефон, свет в гараже. От сегодняшнего облегчения цифры не стали больше.

В переписке с покупателем фрезера появился ответ: «Ес-

ли передумаете, напишите». Я свернул сообщение и открыл поиск капсул погружения.

Первое объявление пришлось проверить дважды. Миллион двести тысяч за самую простую капсулу — такую же, как в салоне. На фотографии — белая гладкая крышка, внутри синяя подсветка.

Я пролистал ещё несколько. Дороже были модели с массажем и системой питания через капельницы. Верхняя цена — пять миллионов. На снимке мужчина лежал под прозрачной крышкой, а рядом с ним на столике стоял бокал. Видимо, для тех, кому и из игры выходить не особенно хотелось.

Закрыл новые модели.

Подержанные стоили меньше, но и по этим ценам мне пока оставалось только смотреть фотографии. У самой дешёвой был скол на корпусе и строчка: «Требуется диагностика, продаётся как есть».

Я увеличил снимок. Сквозь скол виднелся целый силовой каркас. Вещи с треснувшей обшивкой мне обычно нравились: другие люди их боялись.

Сохранил объявление. Прежде чем написать продавцу, убрал телефон.

В старый квест я тоже сначала купил оборудование.

Мы вышли из салона почти в половине девятого. На улице моросило. Вода стекала по рекламной панели, и башня «Предела» за стеклом распадалась на светлые полосы.

На соседней остановке стояли люди в одинаковых серых

куртках. Женщина держала пакет с хлебом под мышкой, пока застёгивала ребёнку капюшон. Из-под крыши капало ей на плечо.

Я посмотрел на собственные руки. Под ногтем снова была чёрная полоска краски. В игре её не было.

— Сколько нормально стоит старая капсула? — спросил я.

Паша остановился.

— Старая рабочая или старая с надеждой?

Я показал объявление.

Он пролистал фотографии, увеличил наклейку на задней панели.

— Эту без проверки не бери. Сервисный модуль старый. Если он сдох, корпус хоть в позолоту заверни.

— Посмотреть можешь?

— Могу. Только осмотр её тебе не купит.

— Понимаю.

Под навесом было тесно. Паша убрал телефон от дождя.

— Сначала посчитай, что останется после жизни и банка. Сегодня тебе хороший заказ попался. Завтра можешь полдня искать работу и ничего не найти.

Я кивнул.

— Но чаще заходить можно? У тебя там две подменные стоят.

— После пробной недели — утренние часы дешевле. Узнаю тариф для постоянных. Ночевать в служебке не дам,

сразу говорю.

— Я не просился.

Он посмотрел на мой пакет с рабочей курткой.

Я отвёл глаза.

Паша усмехнулся. Я вспомнил ещё один вопрос.

— У тебя характеристики от работы росли? Сила, выносливость?

— Навыки — да. За телеги ремонт подрос. А очки характеристик за уровни получаю. Ты о чём?

— Пока к шахте бежал, выносливость с пяти до шести поднялась. Уровень тогда ещё первый был.

Паша перестал улыбаться.

— Одежду менял? Ел что-нибудь с эффектом?

— Одежду нет. Из еды только трактирный обед.

— Проверь, не временная ли прибавка. У меня с зимы сама по себе ни одна характеристика не выросла.

Я открыл приложение «Завета». В карточке персонажа выносливость стояла отдельной строкой; временных эффектов на неё не было. Зато ниже светилось благословение Веи.

— Шестёрка без срока. В настройках ещё странный режим включился. Расширенная адаптация, сто три процента отдачи.

— Сто три? — Паша нахмурился. — Покажешь на месте. В обычных профилях такого не встречал. Что включилось, сначала понять надо.

Я кивнул. Получалось, зря считал прибавку просто частью

обучения новичка.

Паша открыл на своём телефоне ещё одно объявление. Распродажа оборудования закрытого клуба. Четыре капсулы, одна без блока питания. Цены по запросу.

— Вот эти я видел полгода назад. Владелец экономил на обслуживании. Может быть, там и найдётся живая, но с собой деньги не бери. Сначала просто посмотрим.

Я переслал объявление себе.

По дороге домой завёл заметку: «Капсула». Под ней написал: «Платёж. Обычные расходы. Часы в салоне. Ремонт. Остаток».

Слово «остаток» пока оставил без цифры.

Дома разогрел вчерашнюю гречку и съел прямо из кастрюли. За весь настоящий день у меня был только Пашин пирожок. Трактирное мясо в этом счёте не участвовало.

На следующее утро я пришёл к открытию салона.

Спал плохо. То видел бронзовое колесо, то вспоминал меч у Занозы на поясе. Когда она спускалась к крысам, даже не придерживала ножны. Рука сама знала, где оружие.

У меня руки знали, где молоток. Хотелось расширить список.

Паша был ещё дома. Администратор сверила разрешение управляющей, выдала чистую накладку на подголовник и проводила в сервисную комнату. Бесплатная пробная неделя продолжалась, но свободных часов сегодня было только три: потом капсулу забирали на замену в общий зал.

В настройках появилась возможность сменить профиль ощущений. Я снова открыл страницу со ста тремя процентами. Обычный ползунок теперь работал, но рядом стояло предупреждение: расширенная адаптация действует только при активном профиле.

Вспомнил царапину и Пашино удивление. Потом посмотрел на описание адаптации. Пока он не проверил профиль, я мог хотя бы записать, какие изменения он даёт.

Оставил как есть. Сегодня — только учебный двор, без вылазки к крысам. Если что-то пойдёт не так, выйду. Профиль покажу Паше, когда он придёт на смену.

Вошёл в игру за столом у Борна. Здоровье было шестьдесят из шестидесяти: лечение и отдых успели закончить своё дело. Мана — шестнадцать. Два свободных очка и шестёрка удачи оставались на месте.

На улице пахло дымом и свежим хлебом. Я расправил плечи и отправил Занозе сообщение.

Она ответила почти сразу: «Буду у казарм. Ты только руками ничего не трогай, пока Гаррен не разрешит».

Тренировочный двор располагался за длинным каменным зданием. В одном конце двора трое подростков с деревянными щитами ходили друг на друга, поднимая пыль. В другом на верёвках висели мешки, зашитые разными нитками. Доска у ворот предупреждала: «За сломанный инвентарь платит виновный».

Под доской сидел старик и штопал рукав.

Первым я заметил левую ногу. Сапог был расшнурован, ступня стояла чуть боком. Потом — руки. Узловатые, с короткими пальцами, но игла между ними двигалась быстро. На широкой шее белел рубец, уходивший под ворот. Седые волосы были подстрижены почти до кожи.

Он поднял голову раньше, чем мы подошли.

«Гаррен. Смотритель тренировочного двора».

— Вот мастер, — сказала Заноза.

— Вижу. За уроком пришёл или за работой?

— Хотел бы совместить.

Старик посмотрел на мой пояс с зажимом.

— Стойку справа выправишь — покажу, как меч держать. За один урок. Остальное потом.

Заноза дождалась моего кивка, коснулась двумя пальцами края скамьи возле Гаррена и пошла к выходу.

— Вечером напиши, как руки.

— А что с ними будет?

Она не ответила. Улыбнулась уже за воротами.

Стойка оказалась деревянным человеком без головы. От одного плеча отходил рычаг с мешком, от другого — палка, обмотанная кожей. Нажимаешь педаль, мешок поднимается, отпускаешь — палка бьёт поперёк площадки. Устройство позволяло отрабатывать уход с линии удара.

Сейчас его завалило набок, а трос соскочил с колеса.

«Задание Старый учебный двор. Награда: 60 опыта. Начальный урок владения мечом».

Я принял задание и попросил инструмент.

Гаррен вынес из сарая ящик. Подождал, пока я проверю молоток, и вернулся к своей рубахе.

Стойку выправили быстро. Я подтянул крепления, вернул трос и попросил старика нажать педаль.

Палка махнула над площадкой, ударилась в упор.

Можно было сдавать.

Я ещё раз посмотрел на упор. Деревянный колышек в нём сидел неровно. Подлез пальцем, почувствовал свежую щепку и достал фонарь из ящика. Включил диагностику.

Жёлтая отметка легла на трещину с обратной стороны стойки.

— Тут ещё менять надо, — сказал я.

Гаррен поднял глаза.

— Что?

Показал. Трос тянул крепление наружу; при следующем сильном ударе кусок дерева мог вырваться вместе с колышком.

Гаррен присел возле стойки, провёл ногтем по трещине. С обратной стороны отщепилась тонкая полоска дерева.

— Этого не видел, — сказал он. — Стойку пока не трогаем.

Отодвинул мешок от площадки и положил поверх педали ящик, чтобы никто не нажал случайно.

— Урок ты заработал. Подберу новый брус — потом закончим.

Я посмотрел на разобранное крепление.

— Доска есть?

— В сарае. Только денег на дополнительную работу сейчас нет.

— Я уже здесь. Давай сразу доведём.

Он поднял ящик с педали и придвинул его ко мне.

— Что подать?

— Сначала фонарь подержи.

Накладку пришлось выпиливать вручную. Гаррен стоял рядом, светил и больше цену не обсуждал. Когда я попросил придержать брус, взял его так, что тот даже не шевельнулся.

Я сначала хотел просверлить отверстие рядом со старым. Передумал. Разобрал узел, перенёс крепление на здоровое дерево.

Два раза нажал педаль. На третий поднял мешок повыше и отошёл. Палка ударила в упор. Брус выдержал.

Система закрыла задание.

«Получено опыта: 60. Уровень повышен: 3. Опыт: 47/300. Получено свободных очков характеристик: 2. Всего доступно: 4».

Я убрал окно. Гаррен провёл ладонью по накладке.

— Теперь можно ребят ставить.

Я кивнул и сложил обрезки в ящик.

Старик посмотрел на меня. Потом поднял ящик.

— Инструмент убери. Меч возьми.

Он принёс два деревянных клинка. Один отдал мне, вто-

рой оставил себе.

— Правша?

Я кивнул и привычно перехватил рукоять покрепче.

Гаррен вздохнул.

— Ты его уже задушил.

— Чтоб не выбили.

Он коснулся моего клинка своим. Совсем легко. Рукоять повернулась в мокрой ладони, носок деревянного меча ткнулся в землю.

Я посмотрел на Гаррена.

Он не улыбался.

— Теперь будем учиться.

Первые десять минут мы почти не били. Он переставлял мне ноги, разворачивал плечо, заставлял переносить вес. Когда я смотрел на собственные ступни, молча касался клинком моего лба.

— Там противник. Ноги сами почувствуешь.

Потом я начал смотреть ему в лицо и споткнулся.

Гаррен подождал, пока восстановлю равновесие.

— Торопишься. Мечом ещё не махнул, а уже устал.

Зелёная полоска подтверждала: тридцать шесть из шестидесяти.

Мы сели на край площадки. Я разжал пальцы. Сводило предплечье.

— Вроде руки слушаются, — сказал я. — А меч всё время не туда идёт.

— Руки у тебя привычные. Только к другой работе.

Я открыл панель. Сила пять. Выносливость шесть. Четыре свободных очка ждали решения.

Можно было прибавить силы прямо сейчас. Но вчера шестёрка появилась от бега. Хотелось проверить это на себе, пока я точно помню, какие цифры были.

— Давай ещё, — сказал я, когда запас сил поднялся до пятидесяти двух.

Гаррен встал.

— Сначала кисть расслабь.

Он показал простой удар сверху. Я повторил. Деревянный клинок ударил по мешку плашмя.

— Ещё.

Во второй раз попал ребром, но качнулся вперёд.

— Сначала вернись в стойку. Потом повторяй.

Постепенно движения начали складываться. Шаг, рука, удар. Отойти, вернуть меч. Не тянуть плечо к уху. Не хватать воздух ртом после каждого взмаха.

Гаррен велел отдыхать раньше, чем я сам собирался остановиться.

— Отдохни. На усталости лишние движения заучишь. Потом будешь вспоминать, почему клинок опоздал.

На следующем подходе он встал напротив и поднял свой меч.

— Сейчас я обозначаю удар. Ты уходишь и касаешься меня в плечо. Медленно.

Я ушёл слишком далеко. До плеча не достал.

Потом слишком близко. Дерево остановилось у виска.

На третий раз я заметил, как у старика чуть повернулась кисть. Шагнул в сторону, сохранил расстояние и коснулся его рукава.

Вышло негромко. Без красивого свиста.

Гаррен опустил клинок.

«Освоен навык Владение одноручным мечом. Ранг: начальный».

Я выдохнул и чуть не сел прямо на землю.

Старик забрал меч, налил воды в кружку.

— За урок рассчитались, — сказал он. — Завтра можешь прийти опять. За первое упражнение денег не возьму.

Я посмотрел на него.

— А потом?

— Потом посмотрим, сколько ты сегодня запомнил.

Я сел на скамью. Вода была прохладная, пахла деревянным ковшом. Открыл панель, чтобы ещё раз увидеть новый навык.

Рядом мигала другая строка.

«Расширенная сенсомоторная адаптация. Начальный порог силовой нагрузки выполнен. Дождитесь восстановления».

Под ней стояло: «Засчитанная нагрузка: 30 минут». В зачёт вошли и работа на дворе, и упражнения. Паузы не вошли.

Я не стал закрывать окно.

Десять минут просидел, глядя, как Гаррен занимается с подростками. Он почти не повышал голоса. Только одного развернул за плечо и поставил заново, как до этого меня.

Когда зелёная полоска восстановилась, появилась короткая строка:

«Сила: 5 6».

Я распрямился на скамье. Проверил свободные очки.

Четыре. Все на месте.

Переписал цифры в заметку. Вчера выносливость. Сегодня сила. Значит, это можно повторять — с другими нагрузками, с отдыхом. Я открыл продолжение подсказки. Следующий порог силы требовал уже шестидесяти минут подходящей нагрузки. Лёгкое повторение тех же движений могло не засчитаться.

Не сегодня. Рука дрожала, когда ставил кружку.

— Что там у тебя? — спросил Гаррен.

Я поднял глаза.

— Кажется, понял, зачем тренироваться.

— Хорошо. Теперь пойми, зачем останавливаться вовремя.

Он повесил мой деревянный меч на стойку у стены. Рядом, на отдельном крюке, висел короткий стальной клинок в потёртых ножнах.

Я задержал на нём взгляд.

Гаррен заметил.

— После удара руку домой возвращай, к стойке. Не остав-

ляй клинок у противника.

Старик посмотрел на мою сжатую ладонь.

Я разжал пальцы. Они всё ещё держали рукоять, которой уже не было.

Глава 4. Двадцать минут

— Гаррен.

Старик обернулся от стойки.

— Если я сам заниматься буду, что повторять?

Он посмотрел на мои руки.

— Сегодня — ничего.

— Я про завтра. И дальше.

Во дворе стукнуло дерево. Один из подростков погнался за вторым, выставив меч перед собой. Гаррен поднял палец. Оба остановились.

— Покажи, с чего начнёшь.

Я встал со скамьи, выставил правую ногу и поднял пустую руку.

Старик носком сапога сдвинул мою пятку.

— Вот поэтому сначала ко мне.

Он велел посмотреть на следы в пыли. Две короткие полосы, чуть вразбежку. Потом взял деревянный меч и медленно прошёл знакомое движение: шаг, удар, возвращение. Клинок остановился перед плечом. Задняя нога не подтянулась к передней, как всё время получалось у меня.

— Хват проверил. Встал. Шагнул. Ударил. Вернулся. Пять раз без удара, пять — с ударом. Остановился, отдышался. Потом снова. Двадцати минут пока хватит, вместе с передышками.

— Каждый день?

— Если рука слушается и ничего не болит. Если болит — скажешь. И не ускоряйся, пока я не велю.

Он коснулся моей кисти, показывая, где должна остановиться рукоять.

— По двадцать минут каждый день и делай. Пропустил неделю — за один вечер не наверстаешь. А что выучишь, приходи показывать. Сам свою ошибку быстро перестанешь замечать.

Я посмотрел на мешки. На одном кожу протёрли до светлой подкладки.

Раньше мне случалось по полдня возиться с резьбой, прежде чем первый паз получался чистым. Почему с мечом должно было выйти быстрее, я и сам не понимал.

— А когда новое упражнение?

— Когда это сделаешь, не глядя на ноги. Приходи утром. Потом будешь сам повторять, я проверять. И с людьми вставать будешь. Мешок тебя за ошибку не ткнёт.

Подростки переглянулись. Старик кивнул им, и деревянные клинки снова застучали.

Я записал в заметку: «После входа — двадцать минут. Сначала двор».

Поставил ежедневное напоминание. Несколько секунд смотрел на него, потом закрыл заметку.

Надо же. Вчера планировал продать фрезер. Сегодня завёл расписание занятий мечом.

На таймере сеанса оставался час сорок восемь.

Я собирался идти к Борну за бумагой, когда во двор заглянул широкоплечий мужчина в кожаном фартуке. На щеке у него белела мучная полоса.

— Гаррен, мастер ещё здесь?

Старик показал на меня.

— Пекарь Севр, — представился мужчина. — Заноза сказала, с подъёмниками разбираешься. У меня заслонка застряла. До второго хлеба управишься — двенадцать серебряных дам.

Двенадцать серебряных.

Я почти увидел их на ладони. После вчерашнего обмена уже мог прикинуть, сколько это будет в рублях. Хватит не на одну гречку.

— Посмотреть надо.

— Смотреть близко. Только чинить сразу. Печь остановить могу сейчас, потом до вечера не трону. Часа полтора есть?

Я открыл список знакомых. От Занозы пришло сообщение: «Руд пустит к твоей хранительнице до полуденного подъёма. Потом нижний путь закроют — будут убирать осыпь. Сегодня не успеешь — завтра».

До подъёма оставался час с небольшим. Ещё надо нарисовать схему.

Я перевёл взгляд на пекаря.

Вея обещала поискать книгу, в которой записывали при-

ношения Дому последнего шанса. Вместе с одним из них принесли чертежи. По её словам, под ними стояла чужая подпись, хотя устройство я узнал: сам когда-то собирал такой узел. Сегодня я должен был принести свой рисунок и сравнить его с записью.

Можно было сначала заработать, а к ней сходить завтра. Двенадцать серебряных сейчас значили больше, чем любой разговор о старых бумагах. Вчерашний платёж я закрыл, но через месяц банк потребует следующий. Есть и за жильё платить тоже придётся.

Только я уже видел свои детали в двух подземных механизмах. Хотелось наконец понять, как они туда попали. Совпадение? Разработчики нашли фотографии? Или кто-то взял старые материалы и выдал за свои? Пока у меня были только воспоминания да слова незнакомой хранительницы. В книге могло оказаться имя.

Палец сам лёг на головку зажима. Под ним были два отверстия для перестановки стопора. Я сверлил такие на своём станке, ещё в пятьдесят третьем боксе.

— Сегодня не успею, — сказал я. — Могу завтра с утра.

Пекарь вытер щёку, размазав муку.

— Завтра мне тоже хлеб печь. Ладно. У кузнеца спрошу.

Он ушёл. Я ещё слышал шаги за воротами, когда захотел его окликнуть.

Гаррен поднял со скамьи рубаху.

— Заказ хороший был.

— Знаю.

Он не стал спрашивать, куда я тороплюсь.

У ворот я задержался.

— Мне к каменоломне. По нижнему проходу. Там крысы были. Оружие можно одолжить?

Старик посмотрел на крюк со стальным мечом, потом на меня.

— С кем идёшь?

— До ворот один. Внутри Руд.

— Так с ним и оставайся. Это не учебный двор.

Он снял ножны, проверил ремень.

— Меч мой. До заката вернёшь. Потеряешь — должен будешь восемнадцать серебряных. Согласен?

Я посмотрел на пустое место, где только что стоял пекарь.

— Согласен.

Появилось обязательство. Клинок оказался короче тех, которыми размахивали игроки на площади. Рукоять без украшений, у гарды — тёмное пятно. Мне хватило одного неосторожного движения, чтобы ножны ударили по колену.

Гаррен переставил пряжку.

— Сначала ходить с ним научись.

От казарм я пошёл в трактир Борна. До каменоломни надо было успеть нарисовать устройство, а ни бумаги, ни того, чем рисовать, у меня не было. Покупать письменный набор ради одного листа с двенадцатью медяками в кармане не хотелось. У трактирщика хотя бы можно попросить.

В зале после утренней толчеи опустели скамьи. Из приоткрытой двери кухни тянуло луком и горячим жиром; за перегородкой кто-то скрёб котёл. Борн убирал со стола возле окна.

— Лист бумаги найдётся? И уголёк. Мне для хранительницы рисунок сделать.

— Для какой ещё хранительницы?

— Сейчас расскажу. Только сначала набросаю, пока из головы не вылетело.

Он принёс лист грубой бумаги и короткий уголёк. Я сел на освободившееся место. Солнце просвечивало сквозь тонкую середину листа.

Первую линию провёл слишком жирно. Перевернул уголёк на ребро.

Я рисовал по памяти свой старый стенд: стойку, колесо, направляющую. Точнее, один узел, похожий на тот, что встретился под землёй. Весь стенд Вее ничего бы не сказал. Мне нужно было показать, как соединены детали, и найти что-нибудь, что она сможет сверить с рисунком в книге.

Слева отметил маленькое отверстие. На пробном образце я просверлил его не там, где собирался. В готовой конструкции оно уже ничем не помогало, но заделывать не стал. Для работы узла это было неважно. Для меня сейчас — наоборот: одинаковое ненужное отверстие говорило бы больше, чем общее сходство колёс и рычагов.

Тот образец никто из посетителей не видел. Его снимали

до обшивки, для согласования.

Я перестал рисовать.

В памяти всплыл человек в светлой рубашке. Стоял возле стены, потому что на полу лежали кабели, просил повернуть механизм к лампе. Говорил, что заказчику нужно показать, за что тот платит.

Имя я не вспомнил. Таких разговоров за годы набралось десятки: показать заказчику, снять, переслать, поправить смету. Тогда я следил, чтобы механизм на записи сработал с первого раза. Кто потом смотрел это видео и куда оно ушло, не спрашивал.

Теперь хотелось найти ту переписку. Только сначала надо было выяснить, есть ли на рисунке из книги то самое отверстие. Иначе я мог потратить несколько вечеров, разыскивая съёмку, которая вообще ни при чём.

Внизу вывел: «Виктор Сомов». Хотел приписать, когда собрал образец, но остановился. Вея могла помнить совсем другой механизм. Если я заранее выложу ей все подробности, потом уже не пойму, что она знала сама, а что услышала от меня.

Сначала посмотрю её запись. Потом сравним.

— Поел бы, — сказал Борн.

Он поставил возле меня миску. Я посмотрел на неё, потом на него.

— Сколько?

— Четыре медных. И расскажи уже, куда с моим зажимом

ходил. Инструменты вчера сдал, а я так толком ничего и не понял.

Я отсчитал четыре из оставшихся двенадцати. Показал зажим: тот самый, который Борн отдал мне после работы с вывеской. Рассказал, как он пригодился у скрытой двери, как мы освободили руку женщины и что она назвала это место Домом последнего шанса. Вея узнала старый инструмент, поэтому я и возвращался к ней с рисунком.

Про чужую подпись говорить не стал. Борн мог помочь с местными именами и вещами. Объяснять ему, что я встречаю здесь устройства из собственной мастерской за пределами игры, я пока не представлял как. Да и сам ещё не понимал, с чего начинается эта история.

Борн слушал, опираясь ладонями на край стола.

— Дом последнего шанса, — повторил он. — Мать про него говорила. Я думал, сказка.

Он посмотрел на мой лист.

— Если через неё найдёшь мастера, который такие делает, узнай цену, — сказал он и кивнул на зажим. — Этот мне с ящиком старого железа достался. Второй бы взял.

Борну нужен был ещё один удобный инструмент. Мне — узнать, чьи чертежи попали в этот мир. Я кивнул: спросить об одном не мешало другому.

До каменоломни я шёл быстро, но не бежал. После двора правая рука всё ещё наливалась тяжестью. На спуске придерживал ножны. Два раза поймал себя на том, что сжимаю

рукоять, и убрал ладонь.

Руд стоял у подъёмника. За его спиной поднимали корзины с обломками. На воротах мелом перечеркнули нижний ярус.

— Заноза предупредила, — сказал он. — Сорок минут. Дальше перекроем. Со мной пойдёшь, на обратном пути наверх вместе.

Я проверил таймер: до конца сеанса оставалось пятьдесят шесть минут. Сорок минут внизу — и ещё надо успеть обратно к Гаррену.

— Успею.

Руд взял фонарь. Я пошёл за ним по знакомому ходу. На месте вчерашнего боя камень был вымыт, только у стены застрял обрывок ткани. Я старался туда не смотреть.

Дом последнего шанса встретил нас звоном подвесок.

Вея стояла у каменного стола. На кисти белел бинт Занозы. Возле ног лежали раскрытые ящики; пыль на крышках пересекали свежие полосы от пальцев.

— Нашла? — спросил я.

— Книгу — да.

По тому, как она произнесла последнее слово, я понял: дальше будет сложнее.

На столе лежал толстый том в бурой коже. Вея открыла его ближе к середине. Между двумя листами торчал неровный край.

— Здесь была запись. И рисунок, который принесли с ме-

ханизмом.

Я наклонился. Из переплёта вырезали несколько листов. Нож прошёл близко к шву и задел нитку.

— Давно?

— Когда книгу закрывали в хранилище, листы были целы. После этого я её не открывала.

— Кто ещё сюда спускался?

Она покачала головой.

Я почувствовал злость. Отказался от двенадцати серебряных, принёс рисунок, снова рассчитывал успеть в чужую капсулу. А в книге аккуратная дырка.

Вея протянула здоровую руку.

— Покажи, что принёс.

Я развернул лист.

Она долго смотрела. Подвески над столом слегка двигались, и тени от них скользили по схеме.

— Вот это было, — сказала она и коснулась места возле левой направляющей. — Отверстие сбоку. Я ещё спросила, зачем.

— Что ответили?

— Что мастер оставил для наладки.

Я сел на край пустого ящика.

Именно это я говорил человеку с камерой. Не слово в слово, но смысл тот же. Объяснять ошибку незнакомому заказчику не хотелось.

— Подпись помнишь?

— Нет, Виктор. Я запомнила, как он рассердился. Имя — нет.

Она произнесла моё имя, глядя на лист.

Я провёл пальцем по краю вырезанной страницы. Нельзя было восстановить имя одним желанием.

Руд негромко кашлянул у лестницы.

— У вас полчаса.

Вея закрыла книгу, оставив между листами полоску ткани.

— Приношение записывали дважды. Здесь — кто принёс. Внизу — куда положили. Если чертёж отдавали дальше, на дощечке будет отметка.

— Внизу — это где?

Она указала на низкую дверь за ящиками.

Из щели тянуло холодом.

Руд подошёл первым, поднял фонарь. За дверью ступени спускались в вытянутую комнату. У дальней стены стояли полки. Нижние тонули в чёрной воде. Над ними, под самым потолком, было сухо.

— Книгу достала из ящика на верхней ступени, — сказала Вея. — До полок не добралась. После обвала вода поднялась.

Руд посветил вдоль пола.

Из-под ближней полки выскользнула плоская голова. Следом показалось тело в серых пластинах. Тварь была длиной с мою руку, но хвост уходил под стеллаж ещё на столько же.

«Пещерный камнегрыз. Уровень: 3».

Я не успел прочитать дальше. Камнегрыз метнулся к свету.

Руд толкнул меня в сторону и встретил его киркой. Железо скользнуло по пластинам. Тварь ударилась о ступень, развернулась. Из темноты за полкой ответил сухой скрежет.

— Назад, — сказал Руд.

Я попятился. Ножны зацепились за косяк.

Секунду я дёргал пояс вместо того, чтобы повернуться. Потом камнегрыз полез на ступени, и меч оказался у меня в руке.

Ударил сверху.

Клинок стукнул о камень рядом с головой. Пальцы обожгло отдачей. Я оставил руку внизу, всем телом навалился вперёд — и увидел раскрытую пасть.

Руд подставил древко. Зубы щёлкнули на дереве.

— К двери!

Я отступил. На этот раз повернул ножны боком. Руд вышел следом, прижимая тварь киркой к краю проёма.

Вея схватилась за ручку двери здоровой рукой. Закрыть не получалось: между створкой и косяком застряло толстое тело.

Камнегрыз выгнулся. Древко затрещало.

Я уже поднял меч для второго удара, но увидел, куда упирается кирка. Подставлюсь сам. Или попаду Руду по руке.

— Не отпускай! — сказал я Вее.

Дверь цеплялась нижним краем за каменную крошку. Я

выскреб её каблуком и навалился плечом рядом с ручкой. Створка подалась, стиснув тварь позади передних лап.

Руд изменил нажим. Голова камнегрыза поднялась.

— Теперь. Под челюсть. Коротко.

Я переставил ногу. На мгновение вспомнил пыль двора и полоску от гарреновского сапога.

Ударил. Меч прошёл под краем пластины и застрял. Я чуть не выпустил рукоять.

Тварь рванулась, дёрнула створку. Вея вскрикнула. Я удержал дверь плечом, а Руд перехватил кирку и ударил остриём.

Тело обмякло.

Несколько секунд мы продолжали давить, словно оно ещё могло нас обмануть.

«Получено опыта: 18. Уровень: 3. Опыт: 65/300».

Я смотрел на эту строчку и слышал, как стучат собственные зубы.

Руд помог освободить меч. На кромке у самого конца белела новая щербина — там, где я ударил по ступени.

Из хранилища снова донёсся скрежет.

— За дощечками сейчас не полезем, — сказал Руд. — Видели воду? Неизвестно, сколько их там.

Мне хотелось сказать, что нужная полка близко. Что я уже заплатил за этот поход рабочим временем.

Я посмотрел на треснувшее древко и кивнул.

Мы втащили мёртвую тварь в комнату. Руд придерживал

створку киркой, пока я отводил Вею от проёма. Добычу он оставил до возвращения людей с телегой. Я не спорил о доле: без него сам лежал бы на ступенях.

Вея стояла возле стола, прижав перевязанную кисть к животу.

— Покажи руку, — попросил я.

Она разжала пальцы. На бинте пятен не прибавилось.

— Не разошлось. Только потянула.

Я поднял с пола свой рисунок. На уголке отпечаталась мокрая подошва.

— Оставишь? — спросила Вея. — Я ещё посмотрю. Может, вспомню что-нибудь.

Я разгладил лист о край стола и отдал ей.

Руд потянул дверь на себя. В щели фонарь высветил её торец.

— Это к чему? — спросил он.

Возле замка на торце виднелась продолговатая металлическая пластина. Когда дверь закрывалась, пластина уходила за косяк. Половину букв съела ржавчина.

Я наклонился, заслоняя ладонью свет, который отражался от мокрого металла.

«Мастерская нижнего яруса. Приёмщик Лорс».

— Кому дверь сдавали, — сказала Вея. — Лорс принимал всё железо для Дома.

Я достал зажим. На плоской стороне головки, под старой царапиной, стояло то же маленькое клеймо: две черты внут-

ри круга.

— Он жив?

— Не знаю. Мастерскую закрыли раньше хранилища.

Руд дал мне несколько секунд прочитать надпись, закрыл дверь и проверил, держит ли защёлка. Мы придвинули к створке каменный ящик.

Я переписал имя и зарисовал знак. Впервые у моей странной истории появился человек, которого можно было искать.

На поверхности солнце било в глаза. Руд передал сменщику кирку с треснувшим древком, велел никого не пускать вниз без него.

— Я пойду ещё, — сказал я. — За записями.

— Сперва людей соберу и проход проверю. Сам не лезь.

— Позовёшь?

Он кивнул.

До отключения оставалось девятнадцать минут. Я пошёл во двор к Гаррену, стараясь не задевать ножны коленом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.